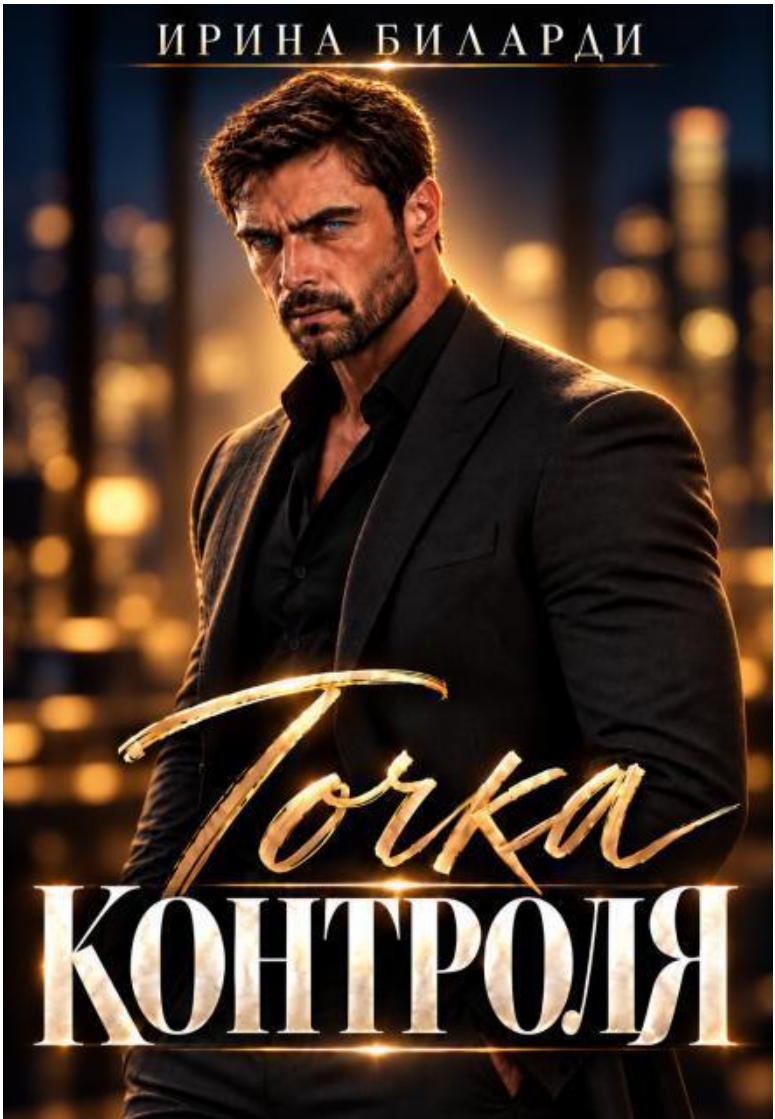

ИРИНА БИЛАРДИ
Точка
КОНТРОЛЯ

Ирина Биларди
Точка контроля

https://litres.ru/74713702

Аннотация

— Вы опоздали на четыре минуты, — произносит мужчина, едва я переступаю порог его особняка.

Егор Баринов. Миллиардер. Властный, жестокий, неприлично красивый. Человек, который привык контролировать всё и всех.

Я психолог. Меня пригласили помочь его младшему брату, который устал жить под тотальным контролем.

Но, кажется, помощь нужна не только ему.

Егор Баринов — богатый, властный, опасный мужчина, привыкший решать за всех. Он не доверяет людям. Не прощает слабостей. И ненавидит, когда кто-то смеет ему перечить.

Я знаю: таких мужчин нельзя любить. Они не умеют отдавать своё сердце, зато легко разбивают чужое. Но я совершаю самую страшную ошибку в своей жизни. Влюбляюсь.

В мужчину, который ради любви способен на всё. Кроме одного — позволить любимому человеку самому выбирать свою судьбу.

Уважаемые читатели!

Это не легкая романтическая история, но я верю, что люди способны меняться и у каждой истории может быть счатстливый конец. Поэтому ХЭ есть и у этой книги.

А ваше мнение относительно героев, я в удовольствием почитаю в комментариях.

Не забывайте добавлять книгу и библиотеку и ставить звездочки! Для автора очень важна ваша поддержка!

Обнимаю!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	16
Визуализация	26
Глава 4	32
Глава 5	44
Глава 6	49
Глава 7	60
Глава 8	67
Глава 9	76
Глава 10	82
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Глава 1

Дом Баринова выглядел так, будто архитектору дали задание: «Построй бункер, но в стиле журнала Вог».

Стекло, темный сланец, идеальный газон, на котором ни одна травинка была индеальной версией травинки. На въезде — шлагбаум. На посту — двое в черном с лицами людей, которые улыбаются только по приказу руководства. Меня досмотрели так, словно я прятала в сумочке пару килограммов тротила, а не профессиональные опросники и блокнот.

— Арина Родионовна? — уточнил охранник у массивных дверей.

— Владимировна, — машинально поправила я, вылезая из машины. — Пушкина здесь нет.

Охранник даже глазом не моргнул. Чувство юмора в этом доме, очевидно, изымали при трудоустройстве под расписку.

Внутри пахло полированным деревом, дорогим кофе и стерильностью операционной. Ни пылинки. Ни уютно брошенного пледа или забытой чашки. Пространство давило идеальным порядком, от которого у любого нормального человека уже через десять минут начнется нервный тик.

— Вы опоздали на четыре минуты, — раздался голос откуда-то сверху.

Я подняла глаза к парящей лестнице на второй этаж.

Твою мать.

Невролог, давший мне контакт, предупреждал: «Старший брат там сложный». Он забыл упомянуть, что старший брат — это двухметровая ходячая каланча с челюстью боксера и глазами человека, который мысленно уже оценил стоимость твоих органов.

Егор Баринов спускался плавно, как большая сытая пантера. Темно-синяя рубашка с закатанными до локтей рукавами, обнажающими мощные предплечья, идеальные брюки, породистое, злое лицо. На вид ему было около сорока, и каждое его движение фонило железобетонной уверенностью самца, привыкшего переламывать людей через колено.

— Навигатор путается в ваших соснах, — ровно ответила я, заставляя себя не вжимать голову в плечи. — Добрый день.

— День будет добрым, если мы не потратим время зря, — он остановился в двух шагах.

Тяжелый, подавляющий взгляд скользнул по моим ботильонам, брюкам, задержался на лице. Ни тени вежливости. Чистая инвентаризация имущества.

— Слушайте сюда, Арина… Владимировна, — отчеканил Баринов, сунув руки в карманы. — Психотерапию моего детства проводить не надо. Брата чините.

Я приподняла бровь:

— Я людей не чиню.

— Тогда зачем вы вообще нужны?

— Чтобы задавать неудобные вопросы, заставлять вас бе-

ситься и брать за это почасовую оплату.

Желваки на его скулах едва заметно дернулись. Он явно не привык, чтобы обслуга огрызалась. А в его системе координат специалист моего профиля стоял где-то между горничной и чистильщиком бассейна.

— У Михаила расписание, — он проигнорировал мою шпильку, взглянув на массивные платиновые часы. — В шестнадцать тридцать — таблетки. В семнадцать — полдник. В семнадцать тридцать — бассейн. Разговаривать будете здесь, в малой гостиной. Я поприсутствую.

— Нет, — спокойно сказала я, расстегивая пальто.

Баринов замер.

— Что «нет»?

— Вы не будете присутствовать.

— Это мой дом.

— А это — моя консультация.

Мы замолчали. Воздух между нами загустел, хоть ножом режь. Баринов наклонился чуть вперед, сокращая дистанцию до опасного минимума. Я отчетливо видела темные крапинки на радужке его синих глаз и мелкий шрам у левой брови. Опасный. Злой. Неприлично привлекательный мужик, которому давно никто не говорил слова «нельзя».

— Девушка, — вкрадчиво, с тихой угрозой произнес он. — Я плачу за этот цирк. Значит, я заказываю программу.

— Если вам нужна дрессировка по заказу — вызовите кинолога. А моим клиентам требуется конфиденциальность.

Либо вы закрываете дверь с той стороны, либо я разворачиваюсь и уезжаю. Выбирайте. У вас тридцать секунд.

Секунд пять он просто буравил меня тяжелым, наливающимся свинцом взглядом. Казалось, еще немного — и он вышвырнет меня за шкирку прямо на идеальный газон. Но потом Баринов криво, почти брезгливо усмехнулся:

— Сорок минут, Арина. Если через сорок минут у него начнется сенсорный срыв — пеняйте на себя.

Глава 2

Дверь за Бариновым захлопнулась с глухим щелчком доводчика. Звук отрезал нас от внешнего мира, и в комнате повисла такая тяжелая, наэлектризованная тишина, что у меня заныли зубы.

Я не сделала ни шага вперед.

Первое правило работы с тяжелой сенсорной перегрузкой и реактивной тревогой — не вторгаться в чужой радиус поражения. Не суетиться. Не создавать лишнего визуального шума.

Михаил сидел в глубоком кресле спиной ко мне, лицом к гигантскому окну во всю стену, за которым раскачивались верхушки сосен. Но он не любовался природой. Мужчина был натянут, как перекрученная гитарная струна. Плечи вжаты в шею почти до спазма, подбородок опущен. Пальцы левой руки с сухим, лихорадочным щелканьем перебирали четки из матового янтаря — бусина за бусиной, раз в секунду, с усилием, от которого подушечки пальцев побелели до воскового оттенка. Правая ладонь монотонно, с нажимом терла бедро через грубую джинсовую ткань. Стимминг. Попытка удержать разлетающийся на куски мозг в физических границах собственного тела.

Под потолком тихо, на высокой ноте зудел скрытый спот светодиодной ленты. Обычный человек не обратил бы вни-

мания. Но я видела, как на каждый этот ультразвуковой писк у Михаила мелко вздрагивает правое веко.

— Вы можете не дышать так громко? — бросил он в стекло. Голос был хриплым, сдавленным, словно фразы застревали в спазмированной гортани. — И пальто. Синтетика шуршит. Это невыносимо.

Любой дилетант начал бы с дежурного: «Успокойтесь, я пришла помочь».

Я медленно, плавным движением стянула пальто, аккуратно перекинула его через спинку стоящего у самого входа стула и замерла. Никаких резких жестов.

— Спот над дверью фонит на высокой частоте, — ровно, чуть понизив голос на полтона, сказала я. — Могу выключить верхний свет и оставить только напольный торшер. Если вы не против.

Четки замерли на долю секунды. Михаил не повернулся, но напряжение в его спине изменило вектор: он прислушивался. Ждал подвоха.

— Делайте что хотите. Егор все равно придет и включит обратно. У него норматив освещенности по СанПиНу.

Я нащупала клавишу на панели у косяка. Мягкий щелчок — и резкий белый свет, резавший пространство на стерильные сектора, погас. Остался только теплый рассеянный полумрак от лампы с тканевым абажуром в углу.

Михаил судорожно, со свистом втянул носом воздух. Его пальцы сжались на четках так, что янтарная нить натянулась

до треска. Его ломало. Я видела этот вегетативный бунт: расширенные, почти черные зрачки, испарина на висках, мелкий тремор в запястьях. Мозг захлебывался сенсорными сигналами, которые его фильтры не успевали отсекать. Для него этот дом был не крепостью — он был пыточной камерой с идеальным ремонтом.

— Я сяду напротив, — предупредила я вслух, прежде чем сделать шаг. — На диван. Дистанция — два с половиной метра.

— Вы читали мою карту, — не спросил, а констатировал он, продолжая сверлить взглядом стекло. Зубы у него были стиснуты, челюсть ходила ходуном. — Знаете, что я дефективный. Психоорганический синдром? Сенсорная алалия в анамнезе? РАС? Что там еще эти клоуны в белых халатах понаписали за его миллионы?

— Я читала записи невролога, — спокойно отозвалась я, опускаясь на край дивана. Поза открытая, руки свободно лежат на коленях, дыхание — намеренно медленное, глубокое. Биологическая синхронизация: когда перед тревожным пациентом сидит абсолютно заземленный человек, его зеркальные нейроны рано или поздно начинают цепляться за этот ритм. — Там много латыни и очень мало информации о живом человеке.

— Живом? — Михаил резко, дергано обернулся.

Вблизи его лицо казалось изможденным, почти прозрачным, с тонкими аристократическими чертами Бариновых, но

глаза… В них горел дикий, загнанный огонь человека, которого заперли в стеклянной банке и методично стучат по ней пальцем. Он тяжело дышал через рот.

Вдруг где-то в недрах дома с металлическим гулом включился компрессор центральной вентиляции.

Михаил дернулся всем телом, словно по нему ударили током. Четки выскользнули из его пальцев и с сухим стуком рассыпались по полу. Он судорожно схватился за голову, вжимая ладони в уши, и согнулся пополам, упершись локтями в колени.

— Черт… черт, черт, — забормотал он быстро, срываясь на фальцет. — Хватит. Выключите. Скажите ему, пусть выключит…

Классический дебют сенсорного срыва. Адреналиновый шторм.

Я не бросилась к нему с объятиями — физический контакт сейчас вызвал бы вспышку яростной агрессии или кататонический ступор.

— Михаил, — мой голос звучал твердо, устойчиво, как гранитная плита. Без жалости. Без сюсюканья. — Глаза на меня. Не на пол, на меня.

Он не послушал, только сильнее стиснул пальцами виски, раскачиваясь вперед-назад.

— Михаил. Давай заземление. Пять вещей, которые ты видишь прямо сейчас. Назови первую.

— Отвалите… убирайтесь к черту…

— Первую вещь, Миша. Быстро.

— Ваши… дурацкие зеленые носки, — выдохнул он сквозь зубы, не поднимая головы, задыхаясь.

— Отлично. Вторая?

— Ковер. Ворс… серый.

— Третья?

— Окно.

— Четвертая?

— Книга… на полке. В красном переплете.

— Пятая?

Он медленно, прерывисто выдохнул, пальцы на затылке чуть разжались:

— Ваши часы. Секундная стрелка.

— Хорошо. Теперь четыре вещи, которые ты чувствуешь телом.

— Ткань брюк. Колется.

— Вторая?

— Спинка кресла. Холодная.

— Дыши глубже. Вдох на четыре счета, выдох на шесть. Третья?

— Воздух. Сухой… от кондиционера.

— Четвертая?

Михаил замер. Раскачивание прекратилось. Он опустил руки на колени — пальцы все еще мелко дрожали, но грудная клетка перестала вздыматься загнанными толчками. Он медленно поднял голову.

— Собственный пульс в висках.

В комнате снова стало тихо. Компрессор вентиляции затих сам по себе, уйдя на низкие обороты, но Михаил уже не реагировал на этот фоновый гул. Он сидел совершенно неподвижно, потрясенно глядя на меня снизу вверх, словно видел впервые. Зрачки начали сужаться, возвращая радужке ее настоящий — дымчато-серый, очень глубокий цвет.

— Егор в такие моменты орет на прислугу и сует мне таблетку под язык, — сипло произнес он. — А потом садится рядом на пол и караулит меня, как сторожевой пес. Сорок минут.

— Егор действует из собственного страха, — заметила я, не меняя позы. — А я с тобой работаю. Чувствуешь разницу?

Михаил медленно опустил взгляд на рассыпанный янтарь у своих ног. Наклонился, подобрал одну крупную бусину, зажал ее между большим и указательным пальцами.

— Вы не боитесь, что я швырну в вас чем-нибудь?

— Если швырнешь — включу стоимость химчистки в гонорар за сессию.

Впервые за все время на его измученном лице промелькнуло подобие кривой, надломленной, но абсолютно живой усмешки. Защитная броня, которую он возводил годами против врачей, сиделок и гиперопекающего брата, дала первую тонкую трещину. Он увидел передо мной не надзирателя. Не торговку сочувствием. Он увидел человека, который умеет говорить на его сложном, искалеченном языке —

и не пытается за это посадить его в клетку.

Михаил перекатил теплую бусину по ладони, поднял на меня ясный, пугающе осмысленный взгляд и тихо спросил:

— Зачем вы здесь, Арина? Егор нанял вас, чтобы сделать меня удобным. Чтобы я перестал дергаться и тихо сидел в своем стеклянном аквариуме.

Я подалась чуть вперед, сокращая психологическую дистанцию:

— Мне плевать, чего хочет Егор. Я здесь для того, чтобы спросить: чего хотите вы?

Михаил долго смотрел мне в глаза — не мигая, не отводя взгляда, словно проверял, выдержу ли я вес той тяжести, которую он носил в себе двадцать пять лет. А затем его губы сжались в тонкую, решительную линию.

— Хочу, чтобы Егор перестал решать за меня.

Глава 3

Если бы паранойя продавалась на бирже, Егор Баринов владел бы контрольным пакетом акций.

На второй встрече Михаил молча положил передо мной планшет. На экране горела интерактивная таблица, расчерченная с маниакальной педантичностью: серые блоки — прием препаратов, синие — удаленная работа, зеленые — кардио и бассейн, оранжевые — пятнадцатиминутные интервалы на «свободное чтение». Ни одной пустой клеточки. Жизнь взрослого тридцатидвухлетнего мужчины была упакована в цифровой саркофаг с синхронизацией по трем устройствам.

— Пароль администратора у начальника службы безопасности, — сухо пояснил Михаил, сжимая в кармане свои неизменные янтарные четки. Сегодня он выглядел лучше: плечи не были вжаты в шею до судороги, а верхний резкий свет в малой гостиной мы отключили сразу, оставив лишь приглушенное пятно торшера. — Если пульс на часах поднимается выше ста десяти вне тренировки, у водителя вибрирует пейджер. Если я задерживаюсь в туалете дольше, чем на двенадцать минут, горничная обязана постучать и спросить, не кружится ли у меня голова.

— А если вам просто захочется побыть одному и подумать о вечном? — поинтересовалась я, листая расписание.

— О вечном думать не положено. Это провоцирует экзистенциальную тревогу. Так записал профессор Штерн три года назад, когда Егор платил ему за то, чтобы меня признали недееспособным комнатным растением.

— Вы работаете аналитиком, — я указала пальцем на синий сектор с десяти до двух. — В головном холдинге брата.

Михаил криво, безрадостно усмехнулся.

— «Департамент мониторинга перспективных рисков». Звучит солидно, правда? Только этого департамента не существует. Есть серверная в подвале и я. Мне скидывают старые отчеты пятилетней давности, с которых стерты логотипы, я строю по ним математические модели и отправляю в пустоту. Никто их не читает. Мне платят зарплату из кармана Егора, чтобы я чувствовал себя полезным членом общества, но ни в коем случае не соприкасался с живыми клиентами, стрессом или настоящими дедлайнами.

— И как долго вы живете в этом аквариуме?

— Достаточно, чтобы захотеть разбить стекло. Даже если осколками вспорет вены.

Он замолчал, нервно перебирая бусины. Его пальцы двигались ритмично, раз-два-три, отщелкивая секунды. За бронеей цинизма сквозила такая отчаянная, концентрированная жажда выбраться наружу, что воздух в комнате словно густел. Михаил не был слабоумным. Его аутистический спектр и перенесенная в детстве травма делали его гиперчувствительным к звукам, вспышкам света и чужой хаотичной агрес-

сии, но его интеллект оставался пугающе острым.

Михаил выпрямился, оглянулся на закрытую дубовую дверь и наклонился ко мне через столик.

— Я подал резюме.

Я замерла с ручкой над блокнотом.

— Куда?

— «Спектр-Аналитика». Независимая компания. Никаких связей с Егором, я проверял цепочки учредителей через три базы. Они искали ведущего специалиста по стохастическому анализу больших данных. Тестовое задание было сложным, на сорок страниц кода. Вчера вечером пришел ответ.

Он сунул руку во внутренний карман мягкого кардигана, достал сложенный вчетверо лист бумаги и протянул мне. Пальцы едва заметно дрожали.

Это было официальное приглашение на очное техническое интервью.

Четверг. Двенадцать ноль-ноль. Бизнес-центр на Белорусской.

— Они не знают, кто я, — глухо заговорил Михаил, и в его глазах вспыхнул опасный, лихорадочный блеск. — Для них я просто специалист с сильным портфолио. Но если я приеду туда с конвоем Баринова, с водителем, который будет заглядывать в рот эйчару, и под надзором личной охраны — меня примут за психопата с манией преследования. Егор сотрет эту контору в порошок, если узнает. Купит их с потрохами

до полудня четверга, просто чтобы аннулировать заявку.

— И чего вы хотите от меня, Михаил?

— Помогите мне туда попасть. Поговорите с ним. Или придумайте причину, почему мне нужно выехать в город одному. Скажите, что это часть терапии! Прогулка по людному месту, экспозиционная техника… Вы же психолог, вы умеете заговаривать зубы!

Его голос сорвался на полушепот, в котором звенела мольба пополам с зарождающейся паникой. Я аккуратно положила лист обратно на стол, сложила руки на коленях и выдержала долгую, плотную паузу, возвращая его в реальность.

— Нет, Михаил.

Он дернулся, словно от пощечины:

— Вы… вы боитесь его? Он платит вам миллионы, и вы тоже пляшете под его дудку?

— Я не участвую в семейных заговорах, — отчеканила я спокойно и твердо. — И не стану ширмой для побега. Если я солгу вашему брату, я нарушу контракт, профессиональную этику и потеряю право работать с вами. Но главное не это. Главное — другое: даже если вы обманом проскочите на это собеседование, вы провалите его через десять минут.

Михаил застыл, сузив глаза:

— Считаете меня неполноценным?

— Я считаю, что у вас начнется сенсорный коллапс в лифте бизнес-центра, — парировала я, не отводя взгляда. — Вы не были в незнакомом общественном пространстве без со-

провождения больше пяти лет. Там будут стеклянные вращающиеся двери, чужие духи, гул полусотни голосов на ресепшене, мерцающие экраны и незнакомые люди, задающие неожиданные вопросы. Вы начнете задыхаться еще до того, как переступите порог переговорной.

Михаил побледнел. Желваки на его скулах окаменели. Он прекрасно понимал, что я права.

— И что вы предлагаете? Сгнить здесь?

— Я предлагаю перестать вести себя как подросток, прячущий сигареты за гаражами. Мы не будем устраивать диверсий. Но за оставшиеся дни до четверга мы разберем вашу панику на винтики. Отработаем дыхание, протоколы заземления при шуме, технику фокуса внимания при сенсорной перегрузке. Я научу вас справляться с телом, когда оно решит предать вас от ужаса. Готовиться к работе вы будете со мной. А с Егором… разбирайтесь сами. Либо скажите ему правду, либо найдите способ сделать шаг, не превращая жизнь в шпионский триллер. Договорились?

Михаил тяжело, шумно выдохнул через нос. Янтарная бусина в его пальцах щелкнула в последний раз и замерла.

— Вы жесткая, Арина.

— Я реалист. А вам сейчас нужен именно это, а не сказочник с волшебной таблеткой.

Когда час консультации истек, я собрала вещи, накинула пальто и вышла в холл. Дом Баринова казался вымершим, но это было иллюзией — тяжелое присутствие его хозяина

висело в воздухе, словно статическое электричество перед грозой.

Он ждал меня в галерее первого этажа.

Стоял у панорамного остекления, заложив руки в карманы темно-серых брюк, на фоне угрюмых подмосковных сосен. Без пиджака, в белоснежной рубашке из плотного хлопка, ворот расстегнут на две пуговицы. Массивные плечи, тяжелый разворот торса. Заметив мои шаги, он медленно повернулся.

Лицо Баринова не выражало ничего, кроме холодной, давящей власти.

— Зайдите, — не предложил — приказал он, кивнув на полуоткрытую дверь своего кабинета.

Я остановилась посреди мраморного пола, демонстративно поправив ремень сумки на плече:

— Мое рабочее время окончено, Егор Алексеевич. Если есть организационные вопросы, мы можем обсудить их по телефону.

Он не сдвинулся с места, но в пространстве между нами мгновенно похолодало градусов на десять. Темные брови сошлись к переносице, образуя глубокую вертикальную складку.

— Я не привык обсуждать дела своей семьи по телефону с приходящим персоналом. В кабинет. На три минуты.

Я глубоко вздохнула, досчитала про себя до трех, напоминая себе, что за этот «персонал» он платит по тройному

тарифу московской клиники, и вошла внутрь.

Кабинет Егора был продолжением его самого. Черное дерево, кожа цвета мокрого асфальта, бронированные окна и пустой стол без единой лишней бумажки. Никаких семейных фотографий. Никаких сувениров. Только матовый ноутбук и тяжелый стакан с минеральной водой.

Баринов обошел стол, но садиться не стал. Оперся бедрами о край столешницы, скрестив руки на широкой груди, и уставился на меня сверху вниз тем самым взглядом, от которого, вероятно, седели топ-менеджеры его корпорации.

— Слушаю, — коротко бросил он. — Что у него?

— У Михаила стабильное состояние. Мы наметили план дальнейших сессий, скорректировали реакцию на внешние сенсорные раздражители.

— Мне не нужны общие фразы из методички для студентов, Арина, — его голос стал тише, глубже, завибрировал низкой угрозой. — О чем вы говорили пятьдесят минут? О чем он думает? На что жалуется?

— Содержание сессий с клиентом конфиденциально.

Егор медленно наклонил голову набок. На его губах мелькнула тень усмешки — злой, пренебрежительной, хищной.

— Вы, кажется, забыли, с кем разговариваете. Я плачу вам за этот визит.

— Вы платите за мою работу, — спокойно отчеканила я, глядя ему прямо в переносицу. — За мою квалификацию, за

мое время и за результат. Вы не покупаете содержание частных разговоров вашего брата. Это не входит в прейскурант ни одного дипломированного терапевта.

Баринов оттолкнулся от стола и сделал шаг вперед.

Он был огромным. От него исходила почти физическая гравитация — смесь дорогого парфюма и концентрированного мужского давления. Он встал слишком близко, нависая надо мной, вторгаясь в личное пространство так уверенно, словно весь этот квадратный метр пола принадлежал ему по праву рождения.

— В этом доме, Арина, правила определяю я, — проговорил он раздельно, не повышая тона, но каждое слово падало, как свинцовое грузило. — Михаил — моя ответственность. Все, что попадает ему в голову, должно проходить через меня. Вы будете писать мне подробный отчет после каждой встречи. По пунктам. Тезисно. С выводами.

Мое сердце сбилось с ритма от волны чистого адреналина, но я заставила себя не отступить ни на сантиметр. Никакого страха. Самцы такого типа питаются чужой покорностью, как бензином.

Я чуть вздернула подбородок, поймав его тяжелый, немигающий взгляд:

— Тогда вам нужен не психолог, Егор Алексеевич. Вам нужен дрессировщик. Или тюремный надзиратель. А мне чужие ошейники без надобности.

В его карих глазах на долю секунды вспыхнуло неподдель-

ное изумление. Настолько искреннее, словно в его идеально настроенном механизме вдруг заговорила деталь, которая должна была молча крутиться на смазке. А следом за изумлением хлынула глухая, темная ярость. Желваки на его челюсти вздулись, венка на виске натянулась синеватой нитью.

— Вы закончили? — тихо спросил он.

— На сегодня — да. До свидания.

Я развернулась на каблуках и вышла из кабинета, спиной чувствуя, как его взгляд буквально прожигает пальто между лопаток. Ноги слегка гудели, когда я спускалась по лестнице к выходу, но я держала осанку прямой, как натянутый трос.

Господи, какой невыносимый, монументальный идиот.

Следующий день в моей московской частной практике начался в привычной рутине. Центр города, тихий переулок на Патриарших, третий этаж старинного особняка. У меня было два приема подряд: тревожная женщина с паническими атаками после развода и предприниматель с синдромом эмоционального выгорания. К полудню я только успела налить себе чашку черного кофе, надеясь перевести дух перед следующим пациентом.

Дверь приемной открылась без стука.

На пороге моего кабинета стоял Егор Баринов. В длинном черном пальто поверх строгого костюма, от которого веяло уличным мартовским холодом. Он заполнил собой весь дверной проем, мгновенно сделав мой уютный, светлый ка-

бинет тесным и неуютным.

Я медленно поставила чашку на блюдце.

— У меня нет окон в расписании, Егор Алексеевич.

Он не ответил. Молча прошел через комнату тяжелыми, уверенными шагами, остановился у моего рабочего стола, вытащил руку из кармана и бросил передо мной лист плотной бумаги.

Белый лист лег точно по центру полированной столешницы.

Это была распечатка входящего электронного письма с серверов компании «Спектр-Аналитика». Дата, время, имя соискателя — Михаил Алексеевич Баринов.

И время собеседования: четверг, 12:00.

Егор оперся кулаками о мой стол, нависая надо мной так низко, что я почувствовала ледяной холод его пальто и яростный жар его дыхания. Его глаза потемнели до цвета сырой земли.

— Собеседование. В четверг, — произнес он с пугающей, мертвенной тишиной. — Вы знали?

Визуализация

Егор Баринов

Арина

Михаил Баринов

Глава 4

Взгляд Баринова обладал почти физической плотностью. Казалось, полированная дубовая столешница моего стола под его тяжелыми кулаками вот-вот пойдет продольными трещинами.

Он нависал надо мной, вымораживая пространство крошечного кабинета на Патриарших. От его черного распахнутого пальто тянуло мартовской слякотью, стылым асфальтом и концентрированной яростью. Мужчина контролировал каждый мускул своего монументального лица, но на скулах ходили желваки, а зрачки были расширены настолько, что темная радужка казалась абсолютно черной.

— Собеседование. В четверг, — повторил он с леденящей, вкрадчивой тишиной. — Вы знали?

Я не стала отодвигаться к спинке кресла. Любое движение назад хищники вроде Егора считывают как капитуляцию и повод сомкнуть челюсти. Вместо этого я спокойно опустила ладони на прохладную полировку стола, аккуратно задвинув за край блокнот, в котором только что делала пометки.

— Знала, — ровно ответила я.

— И промолчали.

— Это называется врачебной тайной, Егор Алексеевич. А еще — базовой этикой. Вам незнакомы оба понятия, но поверьте, они существуют в природе.

Егор коротко, глухо выдохнул через нос. Нависая еще ниже, он оперся на стол всем своим весом, так что между нашими лицами осталось едва ли полметра. Меня накрыло его дыханием — кофе без сахара, горький табак и ментол.

— Вы толкаете больного человека на минное поле, Арина. Вы вложили ему в голову бред о самостоятельности, взбудоражили его, а расхлебывать последствия придется мне. Разгребать его сенсорные припадки, откачивать транквилизаторами, собирать сопли по углам. Вы хоть понимаете, что начнется, когда он выйдет в город один? Он сломается на первом же эскалаторе!

— Он взрослый дееспособный мужчина, который хочет работать по специальности, — отчеканила я, не отводя глаз от темного шрама у его брови. — И вы даже не допускаете мысли, что ваш брат способен чего-то захотеть без моего злого влияния. Для вас проще считать меня манипулятором, чем признать очевидное: Михаил задыхается в вашей золотой клетке.

— Он не «хочет работать». Он пытается доказать мне то, чего доказать не в состоянии. Потому что вы, чертовы торговцы душеспасительными беседами, внушаете инвалидам, что они могут летать. А падают они на мой асфальт. И разбиваются насмерть.

В его голосе на долю секунды прорезалась не просто злость — в нем громыхнуло что-то первобытное, глухое, замешанное на панике двадцатипятилетней выдержки. Страх

потери, зацементированный под тоннами брони. Но слабость длилась ровно миг. Баринов резко выпрямился, расправляя плечи и вновь превращаясь в двухметровую ледяную скалу.

— В машину, — скомандовал он, бросив взгляд на часы. — Немедленно.

— У меня пациент через сорок минут.

— Отмените. Я компенсирую клинике двойную стоимость смены. Вы поедете в поселок и лично при мне объясните Михаилу, почему этот цирк в четверг отменяется.

Я медленно поднялась из-за стола, накинула жакет и посмотрела на него в упор:

— Я не стану дрессировать вашего брата в угоду вашему психозу, Баринов. Но я поеду. И исключительно ради того, чтобы вы не довели его до кататонического ступора своими методами штурмового спецназа.

Он окинул меня брезгливым, колючим взглядом:

— Ценю вашу заботу о моем расписании. Шевелитесь.

Дорога до загородного дома прошла в звенящем, удушливом молчании. Егор вел тяжелый немецкий внедорожник жестко, с агрессивной точностью хирурга, отсекая потоки МКАДа без единого лишнего движения. Руки на кожаной оплетке руля были натянуты, костяшки побелели. Я сидела на пассажирском сиденье, глядя на мелькающие за тонированным стеклом мокрые подмосковные сосны, и физически ощущала, как салон наполняется тяжелым озоновым напряжением.

Когда мы вошли в дом, Михаил был в малой гостиной.

Он сидел за шахматным столиком, расставляя деревянные фигуры — белые против белых, странный аутистический ритуал саморегуляции, когда на доске нет врага, а есть только математический баланс. При звуке тяжелых шагов брата Михаил вздрогнул всем телом. Плечи мгновенно поджались к ушам, янтарные четки, лежавшие рядом с доской, звякнули о дерево.

Егор не стал снимать пальто — распахнутый черный подол хлестнул по воздуху, словно крыло ворона. Он подошел к столику и одним коротким, безжалостным жестом бросил перед братом распечатку письма из «Спектр-Аналитики».

Лист с шелестом сбил белого ферзя. Фигура глухо стукнулась о ковер.

— Что это? — спросил Егор.

Голос прозвучал тихо. Без крика. Почти шепотом, но от этого звука в комнате словно упало атмосферное давление.

Михаил медленно перевел взгляд с листа на старшего брата. Его тонкие пальцы судорожно вцепились в край стола. Кожа на лице приобрела землистый, сероватый оттенок, но подбородок дернулся вверх.

— Это моя работа.

— Твоя работа — в холдинге. Удаленно. Три часа в день.

— Это не работа, Егор! — Михаил впервые за все время нашего знакомства повысил голос. Звук вышел надтреснутым, срывающимся на фальцет, но в нем звенела настоящая

ярость. — Это фикция! Ты скармливаешь мне архивные базы, чтобы я сидел в четырех стенах и не позорил тебя на людях!

— Ты никуда не поедешь, — отчеканил Егор.

И внезапно как будто через толщу воды я увидела то, от чего профессиональный холодок пробежал у меня по спине.

Баринов-старший буквально вибрировал от бешенства. Челюсти сжаты так, что кожа на скулах натянулась до белизны, вены на шее вздулись толстыми жгутами, пальцы в карманах пальто сжались в кулаки с такой силой, что хрустнули сухожилия. На меня он только что в кабинете выплескивал ведра ледяной желчи, давил массой, повышал тон, рычал.

Но на брата — нет.

С Михаилом его голос звучал ровно. Монотонно. Он понижал регистр, искусственно убирая из него любые обертоны агрессии, чтобы не пробить сенсорный фильтр младшего. Он душил собственную ярость собственными же руками, ломал ее об колено, лишь бы не спровоцировать у брата припадок. Это был колоссальный, почти противоестественный уровень самоконтроля. И одновременно — чудовищный каток, подминающий чужую волю под видом бережности.

— Я поеду, — задыхаясь, проговорил Михаил. Он резко встал из-за стола, сбив рукой пешку. — Они пригласили меня. Меня, понимаешь? Не инвалида Баринова, за которого платит старший брат, а аналитика! Они оценили мой алгоритм!

— Ты не сможешь, Миша, — тихо, мерно произнес Егор, глядя ему прямо в глаза. — Там турникеты. Там охрана со сканерами, рамки, которые свистят на частоте восемнадцать килогерц. Лифт со стеклянными стенами и толпа стажеров с запахом дешевого парфюма. Ты начнешь задыхаться на третьем этаже. Сядешь на пол, накроешь голову руками и будешь выть, пока тебя не выволокут за шкирку охранники бизнес-центра. Ты этого хочешь? Публичного позора?

— Замолчите, Егор, — не выдержала я, делая шаг вперед из тени дверного проема. — Вы не защищаете его. Вы моделируете ему катастрофу, программируя на провал!

Егор даже не повернул головы в мою сторону. Он продолжал держать брата на прицеле своего гипнотического, тяжелого взгляда:

— Собеседования не будет. Я позвоню генеральному директору «Спектра» и твою кандидатуру отзовут по техническим причинам.

Тишина, рухнувшая на гостиную, была похожа на взрыв вакуумной бомбы.

Михаил замер. Воздух со свистом вырвался из его легких. Лицо исказилось такой нечеловеческой, немой болью, словно ему в грудь загнали ржавый штырь. Руки опустились вдоль тела, пальцы безвольно разжались. Он посмотрел на Егора — снизу вверх, с выражением абсолютного, окончательного опустошения.

— Ненавижу, — прошептал он одними губами.

Михаил резко качнулся назад, задев столик бедром. Тяжелая шахматная доска с грохотом перевернулась, резные фигуры брызнули во все стороны, глухо стуча по паркету и ковру. Но убежать он не успел.

Воздух в его легких просто кончился.

Михаил издал рваный, свистящий хрип, словно захлебнулся стеклянной крошкой, споткнулся на ровном месте и рухнул на колени прямо среди рассыпанных пешек. Руки метнулись к голове, пальцы судорожно впились в виски, ладони с силой вдавились в уши. Его заколотило — мелкой, электрической дрожью, от которой застучали зубы, а горло перехватило спазмом. Глаза закатились, оставляя лишь полоски белков. Классический острый сенсорный перегруз, помноженный на адреналиновый шок: нервная система сорвала стоп-кран и свалилась в вегетативный блэкаут.

— Миша! — Егор рванул вперед с пугающей скоростью массивного хищника, выбрасывая руки, чтобы схватить брата за плечи. — Миша, дыши! Сядь… где капсулы, черт…

— Назад! — мой голос хлестнул по комнате наотмашь, как ледяной душ.

Я буквально вклинилась плечом между ними, отжимая Баринова-старшего корпусом. От него разило жаром, паникой и слепой готовностью скрутить человека в бараний рог ради его же спасения.

— Отойдите, Егор! — рявкнула я, не глядя на него. — Вы глушите его! На два метра назад. Немедленно!

Егор замер, шумно втянув воздух ноздрями, на долю секунды опешив от того, что кто-то посмел физически перерезать ему траекторию. Но шаг назад все же сделал. Инстинкт подсказал ему заткнуться.

Я мгновенно опустилась на колени прямо на жесткий ковер, напротив Михаила. Никаких объятий, никаких резких прикосновений — любой тактильный контакт сейчас ощущался бы им как удар током.

— Миша, — мой голос опустился на полтора регистра вниз. Глухой, ровный, монотонный, как метроном. — Пол под тобой. Почувствуй колени. Ты здесь.

Михаил раскачивался из стороны в сторону, слепо хватая ртом воздух, не в силах разжать сведенные судорогой пальцы на затылке.

— Михаил, отдай мне шум, — я медленно положила раскрытые ладони на ковер в десяти сантиметрах от его коленей, давая визуальный якорь. — Смотри на мои пальцы. Глаза вниз. Сфокусируйся на кольце.

Он не слышал. Из его груди вырывался тонкий, скулящий звук загнанного зверька.

Я плавно, предупредив движением воздуха, накрыла его ледяную, одеревеневшую кисть своей теплой ладонью и с усилием сжала основание большого пальца — проверенная рефлекторная точка для сброса панической дуги.

— Вдох на четыре счета, Миша. Раз. Два. Три. Четыре.

Он дернулся от болезненного давления, веки затрепетали,

зрачки сфокусировались на моем лице. В них плескался чистый, нечеловеческий ужас.

— Держи ритм, — жестко, не давая ему соскользнуть обратно в темноту, скомандовала я. — Задержи дыхание. Теперь выдох через рот. Долго. Шесть счетов. Раз… два… три… Выдувай весь страх. Вот так. Еще раз. Со мной.

Мы дышали в унисон около двух бесконечно долгих минут. Я держала его руку, чувствуя, как дикий, аритмичный пульс под тонкой кожей постепенно замедляет свой смертельный бег. Раскачивание прекратилось. Мышцы спины Михаила обмякли, голова опустилась на грудь, и он тяжело, обессиленно уронил лоб мне на плечо.

Он был мокрым от холодного пота. Его трясло уже не от ярости, а от чудовищного физического истощения.

— Всё, — тихо сказала я, глядя в стену поверх его головы. — Буря прошла. Ты справился.

Сзади раздалось тяжелое, прерывистое дыхание.

Егор подошел бесшумно. На этот раз в его движениях не было командирской резкости. Он опустился на одно колено рядом с нами. На его лице застыла странная, пугающая маска — смесь застарелого ужаса и глубокой, интимной нежности, которую этот человек, казалось, выжигал в себе каленым железом.

Он не стал читать нотаций. Не повысил голос.

— Миш, — негромко позвал Егор, и в его тембре прозвучало что-то такое, от чего у меня защемило под ребрами: аб-

солютная, безраздельная готовность закрыть собой от всего мира. — Я здесь. Пойдем наверх.

Он мягко, с поразительной точностью привычных движений подхватил брата под мышки, принимая почти весь его вес на себя. Михаил слабо кивнул, даже не пытаясь сопротивляться — ресурс его сопротивления выгорел дотла. Опираясь на старшего, волоча негнущиеся ноги, он позволил увести себя из малой гостиной.

Я осталась сидеть на полу среди разбросанных деревянных пешек. Руки мелко дрожали от резкого отката адреналина.

Со второго этажа донеслись приглушенные звуки: скрип ступеней, тихий щелчок открываемой двери, неразборчивый шепот Егора, плеск воды в стакане. Баринов укладывал брата в постель. Проверял пульс. Закрывал шторы. Делал то, чему научился за двадцать пять лет своего добровольного тюремного заключения рядом с чужой болезнью.

Прошло около десяти минут, прежде чем на лестнице снова раздались шаги.

На этот раз они были другими. Медленными, размеренными, убийственно тяжелыми. Каждый шаг отдавался глухим ударом в мрамор ступеней.

Егор спустился в гостиную.

Пальто он снял, бросив где-то наверху. Рукава белой хлопковой рубашки были небрежно закатаны до локтей, открывая жилистые, мощные предплечья с вздувшимися ве-

нами. Верхняя пуговица сорвана. На скулах горели темные пятна, а в глазах плескалась первобытная, неразбавленная ярость раненого зверя, у которого только что на глазах выпотрошили его главную уязвимость.

Он увидел, как чужая женщина за две минуты сделала то, на что ему требовались часы борьбы и пригоршни транквилизаторов. И для человека с его масштабом контроля это было равносильно публичной кастрации.

Я медленно поднялась с пола, отряхнув колени, и посмотрела ему прямо в лицо.

Егор медленно, словно через силу, перевел взгляд на меня. И вот теперь плотину прорвало. На меня обрушилась вся та ярость, которую он только что гасил внутри перед братом. Темные глаза полыхнули неприкрытой ненавистью.

— Довольны? — процедил он, шагнув ко мне. Пространство между нами сократилось в мгновение ока. Он возвышался надо мной, тяжелый, темный, разрушительный. — Вы добились своего? Расшатали систему? Он возненавидел меня за пять минут. Вы это называете терапией?

— Систему? — я усмехнулась прямо ему в лицо, хотя от его близости перехватывало дыхание. — Вы называете системой домашний концлагерь? Вы только что растоптали единственную попытку вашего брата почувствовать себя живым человеком. Вы не спасаете его, Баринов. Вы убиваете его медленно, по расписанию, три раза в день после еды!

Егор наклонился ко мне так близко, что его пальто коснu-

лось ткани моего жакета. На его челюсти ожесточенно дернулся желвак.

— Пошла вон, — произнес он глухо и четко. — Больше вы сюда не приходите. Никогда. Ваши услуги оплачены до конца месяца, деньги вернут на счет клиники. Чтобы духу вашего здесь не было.

Я выдержала паузу, глядя в его налитые свинцом глаза. Ни дрожи в коленях, ни тени обиды. Профессиональная броня встала на место, как щелкнувший замок.

— Отлично, — спокойно сказала я, поправила ремень сумочки и развернулась.

Я вышла из дома, не оглядываясь. Весенний сырой ветер ударил в лицо, смывая тяжелый дух бариновской автократии. На стоянке у ворот стояло вызванное такси. Я села в машину, бросила короткое «В центр» и прикрыла глаза.

С меня хватит. Богатые психопаты с комплексами бога — не мой профиль. У меня достаточно адекватных клиентов, чтобы тратить нервную систему на обслуживание чужого семейного безумия.

Глава 5

К девяти вечера я сидела в своей московской квартире, завернувшись в плед с чашкой травяного чая и открытым ноутбуком. Мысли о Бариновых я усилием воли вымела из головы, переключившись на разбор клиентских протоколов. Жизнь вернулась в нормальное русло.

Телефон на столике завибрировал в половине десятого. Незнакомый мобильный номер.

Я сняла трубку:

— Да?

— Арина.

Голос Михаила звучал сипло, прерывисто, словно он говорил, спрятавшись в шкафу или под одеялом. Фоном слышался монотонный треск — он яростно крутил свои четки прямо возле микрофона.

— Михаил? Откуда у вас мой личный номер?

— Списал с вашего договора в кабинете Егора, пока он был в душе. Послушайте меня… — он шумно втянул воздух, сбиваясь с дыхания. — Он привез сюда Штерна. И еще двоих. Главврача какой-то частной швейцарской богадельни на Рублевке и профессора из института Сербского. Они сидят внизу. Пьют его коньяк. Егор хочет посадить меня на нейролептики нового поколения. Сказал, что у меня обострение параноидного синдрома.

Я сжала пальцами керамический бок кружки:

— Михаил, дышите. Четыре счета вдох, шесть выдох. Вы приняли таблетки?

— Нет! Я заперся в спальне. Сказал, что если кто-то из них подойдет к двери — я вскрою вены стеклом от графина.

— Михаил! — мой голос стал предельно жестким, командным. — Положите стекло. Немедленно.

— Я не взял его, — после паузы глухо отозвался он. — Я просто сказал ему это. Чтобы они убрались. Егор выставил врачей за дверь, но он стоит под комнатой. Он не уйдет. Арина… Я не буду разговаривать ни с кем из них. Ни со Штерном, ни с профессорами. Либо вы вернетесь, либо я устрою здесь такую психопатологию, что ему придется сдать меня в закрытый стационар. Я не останусь с ним один на один в этой тишине. Слышите?

— Я слышу вас, Миша. Успокойтесь. Выключите свет, включите белый шум в наушниках и ложитесь в кровать. Я что-нибудь придумаю.

Он отключился. Я откинула голову на спинку дивана, чувствуя, как виски стягивает тугой железный обруч. Проклятая семейка. Завтра утром нужно звонить куратору в ассоциацию и оформлять кризисный протокол…

Но утро началось не с ассоциации.

Ровно в восемь ноль-ноль мой телефон ожил снова. На экране высветился входящий вызов без имени — тот же но-

мер, с которого мне звонил водитель Баринова в первый день.

Я нажала кнопку приема и молча поднесла трубку к уху.

В динамике секунду висела тяжелая, плотная тишина. Затем раздался низкий, чуть охрипший голос Егора. Без приветствий. Без предисловий.

— Сколько вы хотите?

Я сделала глоток остывшего кофе, глядя в окно на просыпающуюся Москву:

— За что?

— Чтобы вернуться. Назовите цифру. Любую. Мой финансовый директор переведет сумму на ваш личный счет в течение десяти минут.

Я не сдержала короткого, ядовитого смешка:

— Вы вчера меня уволили, Егор Алексеевич. С формулировкой «пошла вон», если мне не изменяет память.

— Вчера уволил. Сегодня нанимаю обратно.

— Так это не работает, Баринов. Я не ваша горничная, которую можно выставить за дверь при плохом настроении, а утром свиснуть обратно двойным окладом.

— У меня — работает, — отрезал он с непробиваемой, глухой уверенностью танка, идущего напролом. — Условия контракта удваиваются. Вы приезжаете сегодня к двум часам. Михаил не выходит из комнаты со вчерашнего вечера. Он отказывается от еды и говорит только с вами. Вы нужны в доме.

— Деньги оставьте себе, — холодно произнесла я, поднимаясь с кресла. — Я вернусь. Но не ради ваших миллионов и уж точно не ради вас. Я вернусь, потому что ваш брат находится в остром кризисе, спровоцированном вашим дремучим самодурством.

В трубке послышался тяжелый, сдавленный вдох. Егор явно держал себя в руках из последних сил, переступая через собственную спесь, как через битое стекло.

— Отлично. Жду к двум.

— Я еще не закончила, — перебила я его жестко. — У меня есть условие. Одно. И если вы нарушите его хотя бы раз, я выйду из вашего дома навсегда, даже если вы предложите мне половину своих активов.

Пауза затянулась. Я буквально слышала, как в телефонных проводах гудит напряжение.

— Какое условие? — глухо выдавил Егор.

Я выдержала паузу, чеканя каждое слово:

— Вы больше никогда, ни при каких обстоятельствах не отменяете решения Михаила, не обсудив их сначала с ним лично. Никаких звонков работодателям за его спиной. Никаких тайных сговоров с врачами. Никаких ультиматумов. Вы начнете разговаривать с ним как со взрослым человеком.

На том конце провода повисла мертвая тишина. Секунда. Две. Пять.

А затем в трубке раздался голос Баринова — бархатистый, пугающе низкий, вибрирующий темным, опасным сар-

казмом:

— Вы решили научить меня обращаться с моим братом, Арина?

Глава 6

Когда я вернулась в дом в среду утром, Егор встретил меня в холле. Он не подал руки, не извинился за ночное «пошла вон» и даже не счел нужным изобразить подобие светской вежливости. Просто стоял на верхней ступени лестницы, опираясь ладонью на полированный поручень — темный, собранный, одетый в плотный черный свитер с высоким воротом, подчеркивавший разворот тяжелых плеч.

— Ваша ставка удвоена, — бросил он вниз, глядя на меня так, будто я была статьей непредвиденных расходов в годовом бюджете холдинга. — Охрана предупреждена. Михаил на террасе.

— Здравствуйте, Егор Алексеевич, — с легким нажимом отозвалась я, вешая пальто. — Рада видеть, что вы так быстро оправились от вчерашней истерики.

Он медленно, лениво перевел взгляд на мое лицо. Ни один мускул не дрогнул, но в глубине зрачков полыхнула сухая, опасная искра. Мужчина такого масштаба не прощал уколов, но в этот раз смолчал — слишком высокой была цена моего присутствия.

— Михаил — моя зона ответственности, — ровным, глухим баритоном произнес он, спускаясь ко мне. Шаг у него был бесшумным, кошачьим, несмотря на тяжелый вес. — Так было всегда. И так будет. Вы здесь до тех пор, пока по-

лезны его стабильности. Попытаетесь выйти за рамки — вылетите за шлагбаум без права апелляции.

Он остановился на нижней ступени, оказавшись на полголовы выше меня. От него веяло холодом утренней пробежки и запахом горького трубочного табака, хотя я ни разу не видела его курящим.

— С какого возраста? — сорвалось у меня с языка прежде, чем включился профессиональный фильтр.

Егор замер. Взгляд мгновенно остекленел, превратившись в две непроницаемые базальтовые плиты. Воздух между нами за доли секунды потерял градусов пять.

— Что?

— С какого возраста Михаил стал вашей «зоной ответственности»?

Челюсти Баринова сжались с глухим стуком, желваки прочертили резкие тени под скулами. Он не просто закрылся — он захлопнул перед моим носом тяжелую бронированную дверь бомбоубежища, обварив швы автогеном. За двенадцать лет брака с человеком, виртуозно прятавшимся за чужими спинами, я научилась различать оттенки мужской трусости. Но здесь трусости не было. Здесь была старая, намертво зарубцевавшаяся боль, к которой запрещалось прикасаться даже в стерильных перчатках.

— Не ваше собачье дело, Арина Владимировна, — очень тихо, почти ласково выговорил он, и от этой интонации по спине пробежал неприятный мороз. — Идите к брату.

Вот же сукин сын!

Михаил ждал на остекленной террасе. Он нервно раскладывал по столу цветные стикеры с тезисами для самопрезентации: опыт, кейсы, стек технологий. Мы потратили два часа на дыхательную гимнастику, репетицию рукопожатия и отработку десенсибилизации — я намеренно роняла ручки, включала на телефоне запись гула кофейни и заставляла его держать зрительный контакт дольше трех секунд. Он справлялся. Руки мелко дрожали, янтарные четки в кармане брюк крутились без остановки, но взгляд оставался ясным.

В четверг в одиннадцать утра у парадного входа развернулась войсковая операция.

Егор стоял у заведенного черного «майбаха», лично контролируя каждую деталь выезда. Водитель стоял по стойке смирно, держа в руках термокружку с водой комнатной температуры. Начальник охраны получал последние инструкции через гарнитуру.

— Сопровождение на двух машинах, — рубил фразы Егор, не глядя на брата. — Доезжаете до подземного паркинга бизнес-центра. Садишься в лифт с Артемом. Он ждет у дверей переговорной. Если пульс на часах перевалит за сто двадцать — Артем заходит и забирает тебя.

— Нет, — я вышла на крыльцо, застегивая пальто. — Никакого Артема в лифте. Никаких двух машин конвоя.

Баринов медленно обернулся. Его пальто было расстегну-

то, ветер трепал темные волосы, открывая жесткую линию лба со старым шрамом.

— Я не спрашивал вашего мнения, Арина.

— А зря. Если за ним по коридору пойдет двухметровый шкаф с перекошенным лицом, эйчары вызовут полицию, а у Михаила начнется паника от осознания собственной беспомощности. Мы договаривались: водитель довозит его до шлагбаума, Михаил выходит и идет в здание сам.

Михаил, стоявший у ступеней в строгом темно-синем костюме, выглядел бледным, но собранным. Он перевел взгляд с меня на старшего брата и коротко, упрямо кивнул:

— Она права, Егор. Без охраны.

Егор стиснул челюсти так, что я услышала скрежет зубов. Он ненавидел уступать. Физически не выносил, когда рычаги управления выскальзывали из его пальцев. Но перед братом он снова совершил это насилие над собой: вдохнул ледяной воздух, сдержал рык и шагнул к Мише.

— Документы.

Михаил молча распахнул папку. Егор выхватил паспорт, проверил страницу прописки, сунул обратно.

— Телефон. Зарядка. Внешний аккумулятор.

— Всё в портфеле, Егор.

— Таблетки?

— В кармане пиджака. Три штуки в блистере.

Баринов-старший не успокоился. Он обошел брата по кругу, оправил лацканы его пиджака тяжелыми, собствен-

ническими движениями, поправил узел галстука, заглянул в глаза, словно сканируя сетчатку на предмет скрытых сбоев. Он делал это с маниакальной, страшной сосредоточенностью хирурга перед безнадежной операцией.

Я стояла в метре от них, наблюдая за этим перформансом гиперконтроля, и в какой-то момент нервы просто не выдержали.

— Вы ему еще трусы проверьте, Егор Алексеевич, — бросила я ядовито. — Вдруг шов на левом бедре натирает и провоцирует когнитивный диссонанс.

Водитель Баринова сдавленно кашлянул в кулак и тут же уставился в небо, изображая гранитное изваяние.

Егор замер. Его руки на плечах брата на секунду окаменели. Затем он медленно, всем корпусом повернулся ко мне.

В его темных, почти черных глазах не было бешенства — там на миг промелькнуло такое неподдельное, сухое ошеломление, словно статуя в парке внезапно огрела его веткой по затылку. Он окинул меня долгим, тяжелым взглядом — от растрепанных ветром каштановых волос до мысков кожаных ботильонов.

— Если потребуется, — произнес он пугающе спокойным, низким голосом, делая шаг в мою сторону, — проверю и трусы. И у вас, Арина Владимировна, если вы продолжите путаться под ногами.

Воздух между нами вспыхнул. Никакого страха я не почувствовала — только внезапный, обжигающий толчок под

ребра, чистую физиологическую реакцию на самца, который огрызается без сантиментов. Он был невыносим, авторитарен и нагл, но в этой его наглости звенела такая первобытная, неразбавленная сила, что у меня на секунду перехватило дыхание.

— В машину, Миша, — бросил Егор, не сводя с меня глаз. — У тебя сорок минут.

Ожидание длилось три часа. Егор не уехал в офис — остался в загородном доме, меряя шагами первый этаж, хлопая дверями и ежеминутно проверяя синхронизацию данных с медицинского трекера брата. Я принципиально устроилась в гостиной с книгой, игнорируя его метания, но спиной чувствовала каждый его проход мимо двери.

В половине третьего на подъездной дорожке зашуршал гравий.

Михаил вошел в дом сам.

Галстук был слегка сбит набок, лицо горело лихорадочным румянцем, но в осанке больше не было прижатого к земле страха. Он сбросил пальто на банкетку, бросил портфель на столик и шумно выдохнул.

— Меня гоняли два часа, — выпалил он, сияя. — Три задачи по оптимизации сетей. Я нашел ошибку в их собственном коде на пятнадцатой минуте. Ведущий разработчик перестал ухмыляться и начал конспектировать.

Я не сдержала улыбки:

— Я же говорила.

Егор стоял у арочного прохода. Руки в карманах, лицо — гипсовая маска. Ни радости. Ни гордости. Только непроницаемый холод человека, чьи худшие прогнозы не сбылись, разрушив стройную картину мира.

— Они пришлют оффер завтра, Егор. Я знаю это по их глазам. И если меня возьмут, — Михаил сделал паузу, глядя брату прямо в переносицу, — я увольняюсь из твоей конторы. Насовсем.

Баринов-старший даже не моргнул.

— Нет, — произнес он тихо и окончательно.

— Почему? — Михаил шагнул к брату. — Назови хоть одну причину, Егор! Рациональную, а не твой гребаный страх!

Егор стоял, словно отлитый из чугуна, заполнив собой проем между холлом и гостиной.

— Дорога, — начал он загибать длинные, сильные пальцы с пугающим спокойствием счетной машины. — Час сорок в одну сторону по пробкам. В метро ты не спустишься — первый же сбой графика, толпа на переходе, и тебя выносят на носилках. Незнакомый коллектив. Открытый опенспейс на шестьдесят человек. Ты реагируешь на звонки чужих телефонов головной болью через двадцать минут. Там нет звукоизоляции. Нет человека, который знает, как купировать паническую атаку. Нет комнаты сенсорной разгрузки. Нет ничего, кроме двенадцатичасового рабочего дня и дедлайнов, за срыв которых с тебя снимут шкуру.

Он привел десять аргументов. Железных. Выверенных до

запятой.

Я слушала его и с холодной профессиональной ясностью понимала: он действительно всё просчитал. Он знал биологию и физиологию своего брата лучше любого профессора. Он потратил годы на изучение его болезни, он разложил мир на безопасные кванты, создал идеальную, стерильную капсулу, где ничто не могло ранить Михаила.

Он учел всё.

Кроме одного: человек внутри капсулы задыхался без кислорода.

— Я имею право попробовать, — глухо сказал Михаил. — Даже если сломаюсь. Это будет моя ошибка, Егор. Моя!

— У тебя нет права на ошибку, за которую платить придется мне, — отрезал Егор. — Разговор окончен.

Михаил побелел, круто развернулся и ушел наверх, не хлопнув дверью — в этом доме двери хлопали только тогда, когда рушился мир.

Я поднялась с кресла. Кровь стучала в висках.

— Вы чудовище, Баринов.

Егор медленно повернул голову ко мне. В полумраке холла его глаза казались провалами в бездну.

— Не лезьте в семью, Арина. Я предупреждал вас.

— В семью? — я шагнула к нему, сокращая дистанцию до полуметра. Меня трясло от ярости. — Вы называете это семьей? Вы выстроили здесь морг с климат-контролем! Вы просчитали каждую мелочь, кроме его желания жить! Зачем

вы вообще наняли меня? Чтобы я выписала вам индульгенцию на медленное удушение брата?

— Чтобы помочь ему! — рявкнул он, и этот сдавленный рык наконец пробил его ледяную броню. Он подался вперед, нависая надо мной так, что я почувствовала кожей жар его груди. — Вы должны были снизить тревожность! А вы раскачиваете лодку!

— Лодке давно пора отплыть от берега, черт вас побери! — выкрикнула я ему прямо в лицо, не отступая ни на сантиметр. — Она гниет на вашей гребаной мели! Да, он может упасть за борт! Но если вы не дадите ему весла, он просто утонет в вашей гиперопеке!

Егор тяжело, хрипло дышал. Его лицо было в нескольких сантиметрах от моего. Я видела темную тень щетины на его челюсти, расширенные зрачки, крошечный шрам у брови, чувствовала его запах — мускус, кофе, гнев. Мы стояли так близко, что ткань моего шелкового топа почти касалась его шерстяного свитера. Воздух между нашими губами искрил, как оголенный провод под напряжением.

Он смотрел на меня так, словно хотел стереть в порошок. Раздавить. Прижать к стене и заставить замолчать единственным доступным грубой силе способом. И в этой ненависти было столько неконтролируемой, первобытной мужской энергии, что у меня предательски дрогнули колени.

— Вы не понимаете, — выдохнул он сквозь зубы.

— Я понимаю то, что вы функциональный психопат, Егор

Алексеевич.

Глава 7

Утром следующего дня на почту Михаила пришло официальное письмо.

«Спектр-Аналитика» предлагала ему должность с испытательным сроком в один месяц. Без поблажек. На общих основаниях.

Михаил спустился к завтраку сам, впервые за полгода сев за общий стол. Он положил распечатку перед братом. Егор даже не взглянул на нее.

— Нет.

— Месяц, — внезапно вмешалась я, наливая себе кофе из медного кофейника прямо перед носом опешившего Баринова.

Егор перевел на меня тяжелый, уничтожающий взгляд:

— Что?

— Эксперимент, — спокойно сказала я, сделав глоток. — Тридцать дней. Он выходит в офис. Если за тридцать дней случается хотя бы один срыв, с которым он не справится самостоятельно, или если показатели тревожности перейдут критическую черту — он уходит без споров и возвращается в вашу компанию на ваших условиях.

Михаил замер, затаив дыхание.

Егор смотрел на меня так, будто перед ним сидела пациентка психиатрической лечебницы, сбежавшая из буйно-

го отделения. Медленно опустил чашку на блюдце. Фарфор звякнул в звенящей тишине.

— Вы сошли с ума.

— Вы боитесь, Баринов? — я прищурилась, сознательно нанося удар под дых. — Боитесь, что он справится? И тогда вам придется признать, что двадцать пять лет вы держали его в клетке не ради него, а ради собственного покоя?

В столовой повисла мертвая тишина. Служанка, зашедшая со сковородой, тихо попятилась и исчезла за дверью кухни.

Челюсти Егора ходили ходуном. Казалось, он сейчас перевернет дубовый стол вместе со всеми столовыми приборами. Секунда. Другая. Десятая.

— Хорошо, — выговорил он наконец свинцовым, леденящим тоном. Взгляд его вонзился в меня, как гарпун. — Месяц. Но запомните, Арина: если с ним что-нибудь случится… Если он слетит с катушек на людях… Отвечать передо мной будете вы. Лично.

С понедельника дом Баринова превратился в штаб боевых действий, а я — в постоянного резидента этого странного, стерильного королевства.

Чтобы адаптировать Михаила к новым перегрузкам, мне приходилось бывать здесь почти каждый день: вечером мы отрабатывали сенсорную разгрузку после офиса, утром — настраивали фокус внимания перед выездом. А это означало

только одно: я непрерывно, ежечасно сталкивалась с Егором.

И чем дольше я наблюдала за ним вне рамок формальных перепалок, тем отчетливее понимала: его брат был болен аутизмом, но настоящим психопатом в этом доме был Баринов-старший.

Он не спал. Точнее, я ни разу не видела его спящим. В два часа ночи в его кабинете на первом этаже неизменно горела настольная лампа из зеленого стекла, отбрасывая длинные тени на тяжелые стеллажи. В шесть утра он уже выходил из тренажерного зала — мокрый от пота, в одних серых спортивных штанах, с перекинутым через мощную шею полотенцем, тяжело дышащий и темный, как грозовая туча.

Впервые наткнувшись на него в таком виде в полутемном коридоре возле кухни, я замерла с кружкой воды в руке.

У него было тело гладиатора, которому за сорок: широкая, бугрящаяся мышцами спина, глубокая борозда вдоль позвоночника, четко прорисованные косые мышцы живота и несколько белесых шрамов на ребрах. Ни капли лишнего жира. Чистая, высушенная функциональность. Егор остановился, скользнув взглядом по моей шелковой пижаме — свободной, не открывающей ничего лишнего, но ткань предательски обрисовывала контуры тела.

Его зрачки расширились. В воздухе мгновенно запахло горячим мужским телом, солью и опасностью.

— Не спится? — хрипло спросил он, не пытаясь прикрыться полотенцем.

— Изучаю повадки местных хищников, — отчеканила я, заставляя себя смотреть ему строго в глаза, а не на темную дорожку волос, уходившую под резинку штанов. — Вы всегда проверяете входную дверь по три раза перед сном?

Я заметила это вчера: ровно в полночь он спустился в холл, дважды дернул ручку тяжелой дубовой двери, проверил индикатор сигнализации, отошел к лестнице, вернулся и проверил снова. Классическое обсессивно-компульсивное расстройство, помноженное на генерализованную тревогу.

Егор криво усмехнулся — зло и насмешливо:

— Только когда в доме посторонние. Особенно дипломированные торговцы сочувствием.

— Это ОКР, Баринов. Вы контролируете не только Михаила. Вы пытаетесь контролировать вращение Земли.

Он шагнул ближе. Настолько, что я почувствовала тепло, исходившее от его разгоряченной кожи.

— Земля вертится слишком хаотично, Арина. Кто-то должен удерживать ее на орбите, чтобы такие идеалистки, как вы, могли спокойно спать по ночам.

— Вы когда-нибудь позволяете чему-нибудь происходить само собой? — не сдержала я шпильки.

— Катастрофам, — отрезал он сухо. — Иногда.

— Веселый вы человек. Просто душа компании.

— Какая есть. Идите спать, доктор. До подъема Михаила три часа.

Он считал меня невыносимой, ядовитой и опасной. Я счи-

тала его ходячим пособием по деструктивному контролю с эмоциональным диапазоном бетонной плиты. Но всякий раз, когда мы оказывались в одном помещении, воздух становился вязким. Мы пикировались на кухне из-за крепости кофе, спорили в коридорах, сталкивались плечами в дверях — и каждый раз это случайное прикосновение било током куда-то под ложечку.

Тем временем наступил вечер первого рабочего дня Михаила.

Он вернулся в семь. Уставший до серости в лице, с залегшими тенями под глазами, но — абсолютно стабильный. Он сам разделся, аккуратно повесил пальто, прошел в кухню, налил себе стакан воды и положил на стол пластиковый бейдж сотрудника с логотипом компании.

— Я сделал три модуля, — тихо сказал он. — Никто не орал. В лифте было четверо, я использовал технику счета.

Егор стоял у окна, скрестив руки на груди. Он ждал звонка из скорой весь день. Он держал наготове водителя и личную охрану. Он был готов к катастрофе каждой клеткой своего напряженного тела.

И катастрофа не произошла.

Михаил ушел наверх, чтобы принять душ.

Я осталась стоять у кухонного острова, опираясь на столешницу и с откровенной издевкой глядя на застывшего Баринова.

— Расстроены? — протянула я.

Егор медленно повернулся:

— С чего бы?

— Придется признать, что вы ошибались. А для вас это хуже расстрела без суда. Я оказалась права: он может жить среди людей.

Баринов медленно подошел к острову, уперся кулаками в черную гранитную поверхность прямо напротив меня и наклонился. Его глаза потемнели, челюсти сжались.

— До конца месяца, Арина Владимировна, двадцать девять дней. Не спешите открывать шампанское. Он на пределе. Вы просто слишком слепы, чтобы это заметить.

— Он счастлив, Егор. Вы не умеете распознавать эту эмоцию, у вас в словаре нет такого слова.

— Счастье — это биохимическая иллюзия перед падением, — отрезал он и вышел из кухни.

Я легла спать в гостевой спальне около полуночи, чувствуя глухую, но сладкую победу.

А в три часа ночи дом содрогнулся.

Звук бьющегося фарфора донесся из комнаты Михаила, за ним последовал глухой, животный удар чего-то тяжелого об стену и сдавленный, прерывистый вой.

Я выскочила из постели в пижаме, босиком рванула по темному коридору и распахнула дверь его спальни.

В комнате царил хаос. Торшер был сбит на пол, осколки тяжелой вазы блестели на ковре, шторы сорваны с петель. Михаил сидел в углу между шкафом и кроватью, сжавшись

в тугой комок. Он яростно, со свистом колотил затылком о деревянную панель шкафа, вжимая ладони в уши, из его горла рвался сплошной, утробный стон. Глаза были абсолютно белыми, невидящими.

Сенсорная перегрузка догнала его ночью. Мозг отключил фильтры, лавина впечатлений первого дня смяла нервную систему в кашу.

— Миша! — я бросилась вперед, опускаясь на колени, стараясь не наступать на осколки. — Миша, смотри на меня! Дыши! Раз, два…

Я протянула руки, чтобы перехватить его запястья и остановить удары о стену, но он с нечеловеческой, слепой силой оттолкнул меня. Мои ладони мазнули по осколкам вазы, по запястью полоснуло болью.

Михаил забился еще яростнее, задыхаясь, раздирая ногтями собственную шею, и вдруг закричал — хрипло, со слезами, с первобытным отчаянием брошенного ребенка:

— Не трогай! Уйди! Позовите… Позовите Егора!

Глава 8

Дверь распахнулась с глухим ударом о стену.

Я ожидала чего угодно: яростного «я же говорил», рева сирены, отряда санитаров со смирительными рубашками или самого Егора, врывающегося в спальню штурмовым танком, чтобы смести меня с дороги и силой прижать брата к полу. Я была готова закрывать Михаила собой, спорить, орать, срывать голос.

Но в комнату вошел совершенно другой человек.

Егор шагнул через порог босиком, в одних свободных черных трикотажных штанах. Он двигался абсолютно бесшумно, словно хищник, ступающий по мягкому мху. Никаких резких жестов. Никакого шлейфа командирской спеси. Его плечи были опущены, руки свободно свисали вдоль тела, дыхание — выверенное, глубокое, слышное в паузах между всхлипами Михаила.

Он даже не взглянул на меня. Мазнул расфокусированным, периферийным зрением по разбитой лампе, по моим испачканным пылью коленям, по капле крови, набухшей на моем порезанном запястье, — и полностью исключил меня из уравнения.

В комнате не было чужих. Были только они двое.

Егор не стал подходить к углу, где задыхался брат. Он остановился в трех метрах, плавно опустился на колени, а

затем сел прямо на ворс ковра, прислонившись спиной к створке открытого балкона. Подогнул одну ногу, положил запястья на колени открытыми ладонями вверх — поза предельной уязвимости и абсолютной биологической безопасности на языке любого примата.

— Миш, — произнес он.

Это не был голос бизнесмена, ломающего через колено советы директоров. Это не был голос тирана.

Низкий, чуть хриплый, лишенный любых вибраций паники или принуждения тембр. Никаких команд. Никаких «успокойся, все хорошо», от которых у людей в аутистическом кризисе только сильнее срывает резьбу.

— Миша. Я здесь.

Михаил забился еще яростнее. Его затылок с пугающим стуком врезался в панель шкафа раз, другой. Он зажмурился так, что побелели веки, изо рта вырвался дикий, животный вой — нервная система сбрасывала зашкаливающее напряжение единственным доступным ей способом самоповреждения.

Я дернулась вперед, чтобы подставить ладонь под его затылок, но Баринов-старший едва заметно качнул головой. Одно микродвижение подбородка. Взгляд тяжелый, предостерегающий: *не лезь*.

Егор остался на месте. Не сделал ни единого движения в сторону брата. Он просто сидел на полу в трех метрах от эпицентра ядерного взрыва и… дышал.

Шумный, размеренный, подчеркнуто глубокий вдох животом — на четыре счета. Долгая задержка. Медленный выдох через чуть приоткрытые губы — на шесть счетов со свистящим звуком «ш-ш-ш». Он превратил собственное тело в гигантский низкочастотный резонатор. В тишине ночной спальни этот звук заполнил собой всё пространство, вытесняя звон разбитого стекла и гул вентиляции.

— Раз. Два. Три. Четыре, — негромко, в такт своему выдоху, ронял Егор в пустоту. — Я здесь, мелкий. Стены стоят. Крыша на месте.

Михаил взвыл тише. Удары затылком прекратились. Пальцы, впившиеся в уши, дрожали так, что ходили ходуном плечи, но тело начало улавливать ритм. Биологическая обратная связь, отточенная до автоматизма рефлексов.

Шли минуты. Десять. Двадцать.

Я сидела у противоположной стены, затаив дыхание, зажимая порезанное запястье подолом пижамы, и чувствовала, как по позвоночнику ползут мурашки.

Это было потрясающе и жутко одновременно. Мужчина, которого я искренне считала эмоциональным инвалидом, функциональным чудовищем с манией величия, сейчас демонстрировал высший пилотаж кризисной интервенции. Он не сюсюкал. Не сокращал дистанцию. Он считывал микросигналы брата с точностью высокоскоростного сенсора: стоило Михаилу судорожно дернуть плечом — Егор чуть опускал подбородок; стоило тому всхлипнуть — Егор удлинял

выдох.

Двадцать пять минут спустя Михаил впервые открыл глаза. Зрачки были огромными, темными, но в них начала проступать мутная осознанность. Он сидел в углу, жалкий, мокрый от пота, в разорванной на груди футболке.

Егор не шелохнулся. Не протянул руку. Он просто продолжал дышать и смотреть в пол чуть левее брата, не насилуя его прямым зрительным контактом.

— Воздух, — хрипло, едва слышно прошептал Михаил.

— Форточка открыта, — отозвался Егор тем же монотонным, убаюкивающим тоном. — За окном сосны. Температура шестнадцать градусов.

Прошло еще пятнадцать минут.

Михаил медленно, неловко, словно человек после тяжелого инсульта, оторвал спину от шкафа. Переставил онемевшую ногу. Опираясь ладонями о пол, он прополз разделяющие их метры, как избитый щенок, и уткнулся лбом в плечо старшего брата.

Только тогда — ни секундой раньше — Егор поднял руки.

Он обхватил брата поперек спины, прижал к себе с такой плотностью, словно собирал воедино рассыпавшиеся осколки костей, и накрыл его затылок тяжелой, широкой ладонью. Без сюсюканья. Без лишних поглаживаний — только глубокое, равномерное, физическое давление, возвращающее сенсорное ощущение границ собственного тела.

— Всё, — глухо выдохнул Баринов в макушку брата.

Впервые за сорок минут его веки дрогнули и закрылись. — Всё, Миш. Шторм ушел. Я держу.

Михаил мелко затрясся, всхлипнул один раз, судорожно, по-детски, и обмяк в руках брата, окончательно отдавая ему весь груз пережитого ужаса.

Я осторожно поднялась на ноги. Ноги затекли, в висках пульсировала тупая боль, порезанная рука неприятно ныла. Стараясь не наступать на осколки плафона, я бесшумно выскользнула из спальни в коридор, прикрыв за собой дверь.

Спустившись на кухню, я нашла аптечку в одном из навесных шкафов, достала хлоргексидин и пластырь. Руки слегка подрагивали — откат адреналина давал о себе знать.

Запястье саднило. Порез был неглубоким, но противным, прямо возле выступающей синей венки. Я шикнула от холодной щиплющей струи антисептика, пытаясь зубами оторвать защитную пленку с пластыря.

— Дайте сюда.

Я вздрогнула. Егор стоял у входа на кухню. Он уже надел чистую футболку — темно-серую, обтягивающую массивный разворот торса. На лице не осталось и следа той щемящей, первобытной нежности, свидетелем которой я только что стала. Перед мной снова был Баринов: колючий, монолитный, пахнущий ледяной водой и железом.

Но в глазах стояла такая смертная, выжженная дотла усталость, что весь мой заготовленный яд застрял в горле.

Он подошел вплотную, не спрашивая разрешения, пере-

хватил мою руку за предплечье. Его пальцы были сухими, горячими и удивительно аккуратными. Он легко отобрал пластырь, снял пленку и точным, выверенным движением заклеил ранку, слегка прижав края подушечкой большого пальца.

Его пальцы на секунду задержались на моем запястье. Ровно там, где под тонкой кожей испуганно трепыхался мой пульс.

В полумраке кухни, освещенной только диодной подсветкой рабочей зоны, он казался пугающе огромным. Я чувствовала тепло, шедшее от его груди, слышала его тяжелое дыхание. Очередная волна странного, запретного электричества ударила куда-то в солнечноесплетение.

— Спит? — тихо спросила я, заставляя себя не отдергивать руку.

— Выпил воды и отключился, — Егор наконец разжал пальцы и отступил на полшага назад, облокотившись о край кухонного острова. — До десяти утра не проснется. Сенсорное истощение.

Я прислонилась бедром к соседней тумбе, скрестив руки на груди.

— Вы великолепно его стабилизировали. Я… признаться, не ожидала.

Егор криво усмехнулся краешком губ. Усмешка вышла горькой, как полынь.

— Вы думали, я умею только орать и выписывать чеки?

— Я думала, вы сломаете ему ребра в попытке запихнуть внутрь очередную капсулу. А вы не сделали ни одной терапевтической ошибки. Даже с заземлением дыханием. Откуда?

— Двадцать пять лет практики, Арина, — сухо отрезал он, глядя в темное панорамное окно, за которым начинал сереть рассвет. — Когда учишься спасать человека методом проб и ошибок на собственной шкуре, быстро запоминаешь, от чего он бьется головой об угол, а от чего начинает дышать.

В воздухе повисла цифра. Двадцать пять лет.

Ему было около сорока четырех. Значит, когда все это началось…

— Вам было девятнадцать, — медленно, почти шепотом произнесла я, складывая в голове пазл. — А ему шесть. Что случилось тогда, Егор?

Его реакция была мгновенной.

Плечи Баринова натянулись, словно под кожей натянулись стальные тросы. Лицо мгновенно омертвело, превратившись в знакомую непробиваемую броню. Он повернулся ко мне — глаза колючие, злые, готовые резать без предупреждения.

— Даже не начинайте, — отчеканил он ледяным тоном.

— Что не начинать?

— Сейчас начнется ваше профессиональное дерьмо. Полезете в мое детство, станете ковырять травмы, искать детские дефициты и привязывать мой характер к тому, как ме-

ня недолюбили родители. Оставьте эти фокусы для дураков, которые платят вам по двадцать тысяч за сеанс.

Я моргнула. Невольный смешок сам собой вырвался из груди.

— Боже упаси, Баринов.

Он осекся. Темные брови дернулись вверх, на лице отразилось искреннее, почти комичное замешательство. Он явно приготовился к круговой обороне, выставил щиты, взвел курки — а противник просто пожал плечами и отошел в сторону.

— Что? — подозрительно прищурился он.

— Боже упаси меня ковыряться в ваших травмах бесплатно во внеурочное время, — спокойно повторила я, глядя ему прямо в глаза. — Мой рабочий день начнется через четыре часа.

Егор молча смотрел на меня несколько секунд, явно сбитый с наезженной колеи. В глубине его темных глаз мелькнуло что-то похожее на неохотный, искрящийся интерес — словно он впервые наткнулся на материал, который не гнулся под прессом его манипуляций.

Я шагнула к выходу из кухни, но в дверях остановилась и обернулась через плечо.

Баринов стоял у острова, высокий, темный силуэт на фоне светлеющего за окном подмосковного неба. Одинокий до скрежета зубовного. Запертый в своей безупречной крепости крепче любого узника.

— Знаете, Егор, — негромко произнесла я. В тишине дома мой голос прозвучал удивительно четко. — Если вы так потрясающе, ювелирно умеете заботиться о человеке, когда ему плохо… почему со всеми остальными вы ведете себя как законченный мудак?

Егор замер. Его челюсти сжались, в полумраке блеснули белки глаз. Он не нашелся с ответом — впервые за все время нашего знакомства.

Я развернулась и пошла наверх, чувствуя, как его тяжелый, ошарашенный взгляд прожигает мне спину до самого порога гостевой спальни.

Глава 9

— Я хочу снять квартиру, — повторил Михаил. В его голосе сквозил застарелый, выстраданный страх, но он не отвел взгляда. — Жить отдельно. Самостоятельно готовить, покупать продукты, вести свой быт. Мне тридцать два года, Егор.

— Именно поэтому, — с леденящей, уничтожающей плавностью ответил Баринов-старший, — я знаю, что тебе нужно. А что для тебя смертельно.

— Егор…

— Этого не будет, — отрезал он, и звук его голоса был подобен удару топора по плахе. — Никогда. Ни при каких обстоятельствах. Ты останешься в этом доме. Здесь есть охрана. Здесь есть прислуга. Здесь есть всё, чтобы ты функционировал как человек, а не захлебнулся собственной беспомощностью на съемных сорока метрах. Тема закрыта.

Егор воспринял слова брата не как шаг к взрослению, а как удар ножом под ребра. Предательство высшей пробы: крепость, которую он возводил двадцать пять лет ценой собственной молодости, нервов и жизни, попытались взорвать изнутри.

Михаил дернулся, открывая рот, но слова застряли у него в горле. Я сжала ножку бокала так, что тонкое стекло жалобно скрипнуло.

Терпение лопнуло.

— Егор Алексеевич, — мой голос прозвучал резко, громко, разбивая его тираническую автократию на куски. — Вам пора перестать отвечать за него.

Баринов медленно, с чудовищным усилием повернул голову ко мне.

В его глазах не было злости — там бушевала дикая, черная пучина ярости. Он смотрел на меня так, словно я была диверсантом, заложившим динамит под фундамент его родового гнезда.

— Вон, — тихо сказал он.

— Что? — я приподняла бровь, не двигаясь с места.

— Пошла. Вон. Из столовой, — каждое слово падало свинцовой гирей. — Я не стану обсуждать судьбу своего брата в присутствии наемного персонала.

— Я не наемный персонал, когда речь идет о клиническом регрессе пациента, — отчеканила я, поднимаясь из-за стола и бросая салфетку прямо на свою тарелку. — Вы сейчас собственными руками толкаете его в тяжелейший невроз! Вы инвалидизируете его из-за собственного патологического страха одиночества!

— Вон! — рявкнул он с такой силой, что в серванте зазвенели бокалы.

Михаил вскочил, опрокинув стул, схватился за голову и выбежал из столовой, бросившись наверх. Его тяжелые шаги прогрохотали по лестнице.

Я глубоко вздохнула, расправляя плечи. Сердце колотилось в горле, кровь шумела в ушах, но отступать я не собиралась.

— Я уйду из столовой, Баринов. Но я не уеду из этого дома, пока лично не убежусь, что Михаил стабилен и не заглотит двойную дозу седативных из-за вашего приступа тирании.

Я развернулась и вышла, хлопнув дверью.

Прошло сорок минут.

Я сидела в полутемной галерее второго этажа, привалившись спиной к прохладной декоративной штукатурке. Спальня Михаила была в пяти метрах: за дверью было тихо. Двадцать минут назад я заглянула к нему — он лежал в темноте, укрывшись тяжелым утяжеленным пледом, в наушниках, равномерно дыша. Срыва не было. Был глухой, тупой протест и колоссальная усталость. Он спал.

Я выдохнула, потерла ноющие виски и уже собралась спуститься вниз за своим пальто, чтобы вызвать такси, когда из полумрака лестничного пролета возник он.

Егор шел бесшумно. Без пиджака, рубашка расстегнута на груди, манжеты небрежно закатаны, обнажая мощные, покрытые темными волосками предплечья. Галстук сорван. Он двигался тяжело, как раненый зверь, заполняя собой все пространство узкого коридора.

Увидев меня, он не сбавил шаг. Наоборот — сократил дистанцию за две секунды и остановился в полушаге.

Непозволительно и опасно близко.

Я оказалась зажата между холодной стеной за своей спиной и его огромным, вибрирующим от сдерживаемой агрессии телом. Бежать было некуда.

— Вы все еще здесь, — произнес он глухо.

— Я ждала, пока Михаил уснет, — мой голос прозвучал ровно, хотя внутри все сжалось в тугой комок.

— Вы разрушаете мою семью, — Егор подался чуть вперед, уперев одну ладонь в стену прямо над моим плечом. Я почувствовала исходящий от него жар — чистый, животный, обжигающий. — Вы методично, шаг за шагом, вбиваете клин между мной и единственным родным человеком на этой земле. Скажите мне, Арина… вы получаете от этого удовольствие? Профессиональный садизм? Или личные счеты с мужчинами, которые вам не по зубам?

Его дыхание обожгло мою щеку. Он пах виски, горьким перцем, солью и концентрированной яростью.

Я вскинула подбородок, глядя ему прямо в темные, бешеные зрачки. Мое плечо почти касалось его груди.

— Нет, Егор. Я не разрушаю вашу семью. Я пытаюсь сделать так, чтобы у вашего брата наконец появилась собственная жизнь. Пока вы окончательно не похоронили его заживо под плитой своего величия.

— Это не величие! — процедил он сквозь зубы, нависая надо мной еще ниже, так что его тень полностью накрыла меня. — Это безопасность! Он не выживет там один! Ты по-

нятия не имеешь, каково это — выть под дверью реанимации в девятнадцать лет, когда тебе выносят тело матери, а за спиной стоит шестилетний пацан, который не понимает, почему мама больше не дышит! Ты ничего об этом не знаешь!

Он впервые перешел на «ты». Без разрешения и предупреждения.

И этот срыв сорвал последние предохранители.

Егор сделал еще полшага вперед. Теперь между нами не осталось даже воздуха. Его бедро почти прижималось к моему, тяжелая грудь вздымалась от яростного дыхания, касаясь ткани моей блузки. Я чувствовала колоссальный, подавляющий масштаб этого мужчины — его физическую мощь, его дикую, запертую на замок боль, его чудовищную усталость.

И в этот момент мое тело предательски, позорно дало сбой.

Вместо страха, вместо холодной профессиональной отстраненности по венам полоснуло обжигающей, густой волной чистого физиологического влечения. Сердце сорвалось в галоп, ударив прямо в основание горла. Дыхание перехватило. Я почувствовала, как предательски вспыхнули щеки, как волоски на руках встали дыбом от близости его кожи. Мой взгляд невольно, против моей воли, мазнул по его губам — четко очерченным, злым, жестким — и метнулся обратно к глазам.

Егор замер.

Его брови медленно дрогнули. Он был хищником, а хищ-

ники чуют запах адреналина и чужой капитуляции безошибочно.

Его взгляд опустился на мои приоткрытые губы, скользнул к шее, где под тонкой кожей бешено, загнанно колотилась сонная артерия, и снова вернулся к моим глазам. Ярость в его зрачках никуда не делась — но теперь она смешалась с чем-то тяжелым, густым, откровенно плотским. Он накрыл собой все мое пространство, лишая воли к сопротивлению.

Егор наклонился еще ближе. Его губы оказались в двух сантиметрах от моего уха, обжигая мочку горячим, хриплым дыханием.

— Вы так громко дышите, Арина, — прошептал он с пугающей, темной насмешкой. — Скажите мне…

Он сделал паузу, и его ладонь на стене сжалась в кулак, почти касаясь моих волос.

— Вы меня боитесь… или я вам нравлюсь?

Глава 10

Воздух между нашими губами был настолько горячим, что обжигал горло при каждом вдохе.

Егор не отстранялся. Он зажал меня в угол галереи, уперев кулак в холодную стену у самого моего виска, и ждал. Его дыхание с привкусом торфяного виски и мяты касалось моей щеки, тяжелая грудь едва заметно прижималась к ткани тонкого шелкового топа. Я чувствовала его бедра — каменные, неподвижные, лишающие пространства для отступления. В его темных, почти черных зрачка

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.